

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

Да, съ Муравьевымъ шутки были плохія... Этотъ могучій человекъ боролся не съ Литвою и не съ Польшею, къ которымъ онъ относился съ величайшимъ пренебреженіемъ, а главнымъ образомъ съ Петербургомъ, откуда трясучіе заячьи хвосты изъ всѣхъ своихъ силенокъ старались напакостить Муравьеву во всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ... Если бы люди это знали, то тогда бы только поняли, во что обходилась ему эта борьба...

Каждый день онъ получалъ массу шифрованныхъ телеграммъ. Содержаніе многихъ изъ нихъ онъ зналъ, не читая. Сплошь и рядомъ приходилось виленскому генераль-губернатору читать въ нихъ: по Высочайшему повелѣнію освободить такого-то, по Высочайшему повелѣнію князя N сослать въ Вятку подъ надзоръ полиціи и т. д.

Все это были шутки, которыхъ въ серьезныхъ обстоятельствахъ Муравьевъ не допускалъ.

Я былъ дежурнымъ ординарцемъ. Пришла почта: пакеты, телеграммы...

Когда раздался звонъ колокольчика изъ кабинета генераль-губернатора, я захватилъ почту и вошелъ въ кабинетъ. Муравьевъ сидѣлъ около стола; я подалъ ему все присланное и отодвинулся къ дверямъ, ожидая приказаній. Онъ отбросилъ въ сторону газеты; живо пересмотрѣлъ надписи на пакетахъ и тутъ же положилъ около себя; остановился на телеграммахъ... не распечатывая, онъ пересмотрѣлъ ихъ всѣ... Одна изъ нихъ почему-то заставила его задуматься... Онъ повертѣлъ ее въ рукахъ... Чуть ли не понюхалъ ее... Долго смотрѣлъ въ одну

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1913 г.

точку, немного прищуря правый глазъ... Потомъ взглядъ, полный ума, медленно перевелъ на меня и спросилъ:

— А N... подъ арестомъ?

— Такъ точно, в. с.

— Здѣсь?

— Такъ точно.

— Вотъ вамъ ордеръ... Отправляйтесь въ тюрьму... Отдайте ордеръ полковнику N и скажите, чтобы все исполнено было сію минуту... при васъ... Когда все кончится, явитесь миѣ доложить...

Я взялъ у него изъ рукъ пакетъ и вышелъ, у крыльца стояли казаки; одинъ изъ нихъ подвелъ моего коня, я вспрыгнулъ въ сѣдло и въ сопровожденіи двухъ казаковъ крупнымъ галопомъ поскакалъ къ тюремному замку.

Ворота этого мрачнаго жилища смерти предъ нами растворились.

— Попросите ко миѣ полковника N, распорядился я.

Тотъ живо явился сюда, и я подалъ ему пакетъ.

Онъ распечаталъ его и, миѣ показалось, что вся кровь его отошла къ сердцу...

— Да... правда ли это, поручикъ? Не ошибка ли? Читайте! и онъ, удивленно подымая плечи вверхъ, подалъ миѣ ордеръ... „Немедленно повѣсить N, и чрезъ ординарца миѣ донести. Муравьевъ“, было тамъ написано.

— Должно быть правда... Графъ приказалъ миѣ доложить ему, когда его приказъ будетъ исполненъ.

Мы поднялись на верхъ; я остался въ пріемной, а полковникъ пошелъ исполнять свой тяжелый долгъ...

Черезъ полчаса онъ вернулся, блѣдный, глаза его горѣли... лихорадка трясла его.

— Доложите графу, что его приказаніе исполнено... ¹⁾

Я опрометью сбѣжалъ сверху, вскочилъ на коня и карьеромъ понесся въ замокъ генералъ-губернатора.

Онъ тотчасъ же, видъ очереди, принялъ меня.

— Исполнено, ваше сіятельство.

— А! Хорошо! Теперь можно заняться телеграфной корреспонденціей...

Распечатываетъ не торопясь одну, пишетъ своей рукой на ней резолюцію; другую—тоже; третью—тоже... четвертую...

¹⁾ Другія источники это событіе относятъ къ извѣстному Сѣраковскому.

— А! а! Надо сейчасъ отвѣтить на эту телеграмму... Садитесь и пишите: „Повелѣніе Вашего Величества запоздало: N уже казненъ“.

Въ эту минуту мнѣ невольно пришли на память слова графини: „мы выходъ найдемъ“, и я подумалъ: да! онъ правъ! тысячу разъ правъ... Это жестоко, это безсердечно, это все, что вамъ угодно, но другого пути для успѣшной борьбы съ возстаніемъ не было.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

